

75

35.53.6.93a

11/17

3904

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

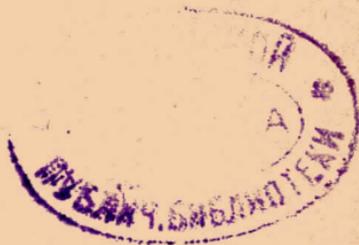
95

КЛАРА ЦЕТКИН.

1т. 300

ц 52.

**РЕВОЛЮЦИОННЫЕ БОИ
1919 года
И БОРЦЫ РЕВОЛЮЦИИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ МОСКВА—1924

Памяти

Розы Люксембург,

Карла Либкнехта,

Льва Цогихеса,

Евгения Левинэ,

Франца Меринга

*и всех преданных делу революции отваж-
ных борцов, павших в 1919 году.*

В в е д е н и е.

14-го января исполнился ровно год *) с тех пор, как Роза Люксембург и Карл Либкнехт были вражеской рукой вырваны из нашей среды, оплатившись жизнью за свою преданность революции и социализму. Они пали за дело, дававшее содержание всей их жизни,—не в открытом бою, не от руки рыцарски-честных противников, рисковавших в бою своей собственной жизнью. Будучи совершенно беззащитными, находясь в руках офицерской камарильи, они были подло, из-за угла убиты наглыми палачами-золотопогонниками, в гнусном злодеянии которых расчет на получение награды, обещанной за головы убитых, играл не меньшую роль, чем чувство фанатической ненависти. Об этом говорит хотя бы один тот факт, что банда убийц, у которой хватило решимости для подлого дела и у которой хватило наглости для еще более подлой попойки после него, не нашла в себе достаточно мужества для того, чтобы взять на себя ответственность за содеянное. Скандальные процессы Рунге-Фогеля и Марло и так и не дождавшееся судебного разбирательства скандальное дело Скляреча—говорят совершенно недвусмысленным язы-

*) Написано в январе 1920 г.

ком о весьма умелом сочетании идейных соображений с деловыми расчетами,—сочетании, характеризующем ту зловонную почву, на которой выросли отвратительные преступления, жертвами которых стали Роза Люксембург, Карл Либкнехт, Лео Иогихес и другие передовые борцы пролетарской революции.

Это сочетание идейности с расчетом имеет свое особое значение. Оно наглядно показывает, как далеко зашел уже процесс распада буржуазного общества. Возведение убийства из-за угла руками наемных убийц на степень дозволенного метода политической борьбы; бессилие правительства, его доброжелательная терпимость по отношению к таким убийствам, а может быть даже тайная поддержка их; громкое одобрение их широкими кругами имущих и господствующих классов; освобождение убийц судом от наказания,—все это—яркие и несомненные симптомы политического, морального и правового разложения того общественного строя, о сохранении которого навеки так усердно хлопочут все Эберты, Шейдеманы, Бауэры и Давиды в тесном духовном союзе с Эрцбергерами, Дерибургами и Стиннесами. Прибегая к поступкам, отвратительным по своей нравственной низости и подлости, для того только, чтобы избежать открытой, честной борьбы со своим непримиримым противником, буржуазное общество само, против своей собственной воли, доказывает, что оно вполне созрело для гибели, что его уничтожение необходимо в интересах общественной морали так же, как и в интересах общественного хозяйства.

Убийцы своей предательской рукой хотели навеки заставить замолчать обличающих, зовущих массы на борьбу вождей: Розу Люксембург, Кар-

ла Либкнехта и других, разделивших их участь борцов. Но дело, которому они служили с такой беззаветной преданностью, продолжает жить, и самая смерть убитых борцов дает ему новую жизнь. А между тем, убийцы наших незабвенных товарищей живут, живут прекрасно и весело, дело же, которому они продались, носит в самом себе зародыши смерти,—оно обречено на верную гибель. Немезида истории не терпит насмешек над собой. Революционный авангард немецкого пролетариата не должен ни на минуту забывать это. В работе, в борьбе этого авангарда должна продолжаться жизнь убитых, пока не будет достигнута цель, спланивавшая нас узами, которые сильнее смерти; ради нее жили, за нее отдали свою жизнь жертвы контр-революции.

Январское восстание в Берлине.

Мы переносимся мысленно к началу января 1919 года.—Не прошло еще и двух месяцев после ноябрьской революции. С каждым днем все яснее становится, что борьба ведется, как это и утверждали все время коммунисты, не за частности революции, а за всю революцию в целом, за ее сущность, содержание и цель. Буржуазная реформа или пролетарская революция—вот как стоит вопрос. Иными словами: новая форма государства или новый общественный строй; полное развитие господства буржуазии посредством буржуазной демократии и дальнейшее существование капиталистического строя,—или классовая диктатура пролетариата, осуществляемая посредством советского строя, и установление социализма. Все очевиднее становится, что социал-демократия большинства вместе со своим близне-

цом, бюрократией профессиональных союзов, позорно, но вполне последовательно продолжает свое, так же позорно и так же последовательно начатое 4 августа 1914 года дело: предательство социализма и переход в лагерь капитализма. Отведение бушующего революционного потока в узкие тихие каналы приличной реформы, в осуществлении которой „с удовольствием“ примут участие буржуазия и юнкерство — вот цель их честолюбивых мечтаний, достойных раба, не смеющего даже помыслить о своей свободе.

Трепещущее от страха перед капиталистами правительство Эберта - Шейдемана - Ландсберга, стараясь воспрепятствовать победе нового строя, смещает в Берлине начальника полиции Эйхгорна, члена Независимой Социал-демократической Партии. Это распоряжение — лишь одно из звеньев в целой цепи действий, сознательно направленных к разоружению революционного берлинского пролетариата и к вооружению контр-революционной буржуазии. Оно должно послужить введением к полному отказу пролетариата от революции, к безропотному подчинению рабочих игу капитализма, и вместе с тем должно быть прологом к жалкой комедии социал-демократического правительства, стоящего у власти лишь милостью буржуазии.

Революционный авангард берлинских рабочих испытывает жгучий позор от полученной им пощечины. Он делает то, чего требуют от него его долг и честь, он поднимает брошенную ему перчатку. Не имея ясного представления об историческом положении и не будучи в состоянии произнести правильную оценку соотношения сил, не имея и руководителей, которые сумели бы наметить и точно установить конкретный объект

борьбы в соответствии с положением вещей и с силами борющихся сторон и которые решились бы направить всю наличную революционную энергию на достижение точно намеченной цели, — революционный авангард берлинского пролетариата перегибает палку в другую сторону. Он не довольствуется энергичным выступлением под лозунгами отмены отставки Эйхгорна, удаления из Берлина контр-революционной гвардии Носке, вооружения рабочих и подчинения военных сил рабочему контролю. Он идет дальше и выдвигает требование, вокруг которого могли тогда сплотиться все революционные элементы в стране: он требует отставки правительства предателей-ренегатов.

Он призывает ко всеобщей забастовке, которая неизбежно должна превратиться во всеобщее восстание, призывает к борьбе с врагом, для которого эта борьба должна решить вопрос о жизни и смерти. Все это происходит в такой обстановке, при которой берлинские ударные батальоны революции неминуемо ожидают участь парижских коммунаров. Не говоря уже о широких рабочих массах остальной Германии, даже столичный пролетариат не стоит сплоченной массой за этим авангардом. Далее, в самый разгар борьбы вместо решительных действий ведутся с врагом переговоры, а тем временем восстание теряет свою ударную силу. Отдельными эпизодами этого восстания являются захват „Vorwärts“а, отнятого у берлинских рабочих кликой партийных заправил, а также захват других демократических газет, оказывавших братскую поддержку официальному органу Шейдемана в славном деле бросания палок в колеса революции и обливания ее пионеров потоками грязи.

Революционный авангард берлинских рабочих преисполнен страстной жадной борьбы, он борется с героическим мужеством. Он уступает только подавляющему превосходству тяжелых снарядов и минометов, он истекает кровью, будучи жертвой тупости, недостатка революционной сознательности и отсутствия энергии у пролетарских масс в Берлине и вне его. Парламентеров из редакции „Vorwärts“ убивают после ужасных пыток. Белогвардейцы восстанавливают тишину и спокойствие тем способом, которому они научились за четыре слишком года братоубийственной войны. Зверь буржуазного порядка мечется в бешеной ярости. Он мстит за то, что ему на одну минуту пришлось испытать страх за свои печатные станки, за целостность своих тюков бумаги и денежных шкафов, словом за то, что для него—самое святое: за неприкосновенность частной собственности. Он обливает восстание ядовитой слюной лжи и брани, он словом и делом принимает участие в отвратительных насилиях над беззащитными пленниками, он, надрываясь, кричит о необходимости новых и новых убийств.

В этой атмосфере ненависти, страха, упоения победой, кровавого похмелья—на коммунистическую партию взваливается вся ответственность за возникновение восстания и весь его ход. „Долой Спартак!“—кричат теперь все, для кого революция является страшным судом. А между тем, вожди только что основанной и еще неокрепшей коммунистической партии совсем не руководили январским восстанием. Трезво оценивая положение, они требовали, чтобы рамки выступления были сужены и чтобы вся энергия была сосредоточена на достижении одной, огра-

ниченной этими рамками цели. Когда же борьба, которая, по их убеждению, была ошибочно задумана и неправильно начата, тем не менее, разразилась, они не могли, конечно, нанести борцам удар в спину. Они вынуждены были содействовать тому, чтобы коммунистическая партия поддержала вступивших в борьбу пролетариев постольку, поскольку это позволяли ее принципиальные и тактические взгляды.

Несмотря на это, судьбе угодно было, чтобы на коммунистов и их вождей обрушились обвинения в том, что они были зачинщиками январского восстания; против них разразилась теперь буря ненависти и поднялась бессовестная травля, забрасывавшая их грязью клеветы и грозившая им убийством. „Смерть Либкнехту! Смерть Люксембург!“ „На фонарь Либкнехта и Розу Люксембург!“—неистово завывали каждый день сотни тысяч листовок; того же в едва прикрытой форме требовали благонамеренные газеты; о том же с солдатской прямоотой говорили между собой офицеры, которым была гарантирована безнаказанность и награда за убийство.

14 января кровавая волна восстановленного порядка уносит на своем гребне трупы Розы Люксембург и Карла Либкнехта. Потрясение, произведенное их ужасной смертью, ускоряет кончину их верного соратника и друга Франца Меринга, несокрушимое некогда здоровье которого было надорвано многомесячным заключением, особенно губительным для 70-летнего старца. Так умирает и этот великий вождь германского рабочего класса, тоже (хотя он и умер „естественной“ смертью) ставший жертвой грандиозной схватки между революцией и контр-революцией.

Мартовские дни в Берлине.

Февраль-март 1919 года. Неискренними революционными речами Национальному Собранию не удалось усыпить революцию, ибо речи эти сопровождалась явно контр-революционными делами. Белый террор гвардии Носке оказался также не в силах задушить революцию. Революционное брожение снова становится сильнее.

Так же, как после ноябрьских событий в 1918 г., но еще стремительнее, еще неудержимее вздымается забастовочная волна, яростно ударяющая в самые устои потрясенного, размытого шквалами всемирной войны капиталистического здания. Она возникает в рейнско-вестфальском каменноугольном районе, захватывает среднюю Германию, разветвляется в сторону Бадена, Баварии, Вюртенберга, вовлекает в свой водоворот все новые и новые профессиональные группы и достигает в Берлине весьма внушительной высоты. Отдельные требования о повышении заработной платы, выдвигаемые восставшими рабами капитала, обладают теперь одной общей осью кристаллизации, проникнуты одной и той же волей: социализация, советы, советская власть—таковы лозунги движения.

Правящие и играющие в парламентаризм защитники буржуазного порядка теряют теперь свою самоуверенность. Они идут на уступки, в расчете на революционную незрелость масс,—на уступки, конечно, чисто словесные. Появляются громадные рекламы мошенников политического гешефта, заявляющие, что „социализация подвигается“, что „социализация проводится в жизнь“ и т. д. Лидеры социал-демократического большинства в Берлине в глубине души решительно

осуждают стачку, но, очутившись перед бурлящим потоком массового движения, они, скрепя сердце, делают вид, что поддерживают ее. Вожди независимых лишь на половину одобряют борьбу, и вот, на этот раз опять в критический момент решительные действия заменяются переговорами. С незначительными местными отклонениями, общая картина борьбы в большинстве мест Германии получается одна и та же. Движение раздробляется и распыляется, прежде чем правительство оказывается вынужденным заменить жетоны своих обещаний полновесной монетой революционных действий. А там, где революционеры, восставшие против капитализма и капиталистического государства, проявляют упорство в борьбе, защитники „порядка“ кровью и железом возвращают их к прежнему рабскому состоянию.

С членской книжкой социал-демократической партии в одной руке и с саблей генерала Галифэ в другой, Носке спасает новое государство богачей; он становится любимым героем всех фабрикантов, торговцев, биржевых дельцов, спекулянтов, юнкеров, маклеров, политиканствующих мещан, профессоров, пасторов-пангерманцев и дам света и полусвета различной легкости поведения. Его соратники: Меркер, Герстенбергер, Лютвиц и др. пожинают теперь в гражданской войне в Германии те лавры, которых им не пришлось получить в грабительской империалистической войне. Но, по мнению этих господ, необходимо особенно жестоко наказывать авангард берлинского пролетариата за то, что он не захотел отречься от своих социалистических идеалов и революционных требований, несмотря на пример Эберта, Шейдемана и их друзей Вельса и Эрнста и несмотря на „воспитательную“ деятель-

ность центрального органа поощрителей подлости и ренегатства.

Не успела еще схлынуть забастовочная волна, как незначительное вооруженное столкновение между „правительственными“ и „неблагонадежными“ воинскими частями—инсценированное, как это доказано, контр-революционным провокатором—дало правительству повод выпустить на пролетариат свору кровожадных псов в стальных шлемах. Носке тотчас же вводит в Берлине осадное положение. Всякий, при ком окажется оружие, подлежит немедленному расстрелу. Охранники Носке набрасываются на „мятежников“, как дикие звери, и грабят их, как капиталистически цивилизованные европейцы, обирая до последней нитки еще не остывшие жертвы своей кровожадности. Поручик Марло, с благословения Касселя и Носке и по приказу полковника Рейнгардта, расстреливает 29 коварно заманенных в засаду матросов, превращая их в груды истерзанных, обезображенных тел; так охотники расстреливают зайцев, согнанных в одно место доезжачими для того, чтобы легче было их перестрелять. По улицам тянутся бесконечные вереницы арестованных. Тюрьмы и казармы оглашаются воплями подвергаемых пыткам жертв. Нагромождаются новые и новые горы трупов. Число убитых и замученных определяется теперь уже не десятками, как в январе, а сотнями и тысячами.

И снова упившиеся кровью контр-революционеры вопят: „Долой Спартака! Смерть спартаковцам!“ А спартаковец—это всякий внушающий подозрение пролетарий, который смеет сомневаться в благодетельной святости капиталистического строя с его собственнической демокра-

тней, который не благоговеет перед триединством, состоящим из любви Эберта к народу, государственной проницательности Шейдемана и благородной человечности Носке.

И опять-таки коммунистическая партия вовсе не „устроила“ стачку и не руководила ею. Заключение при посредстве независимых соглашение с явно подготовлявшими измену социал-демократами большинства и бюрократами из профессиональных союзов она, конечно, не могла; не могла она также пойти за вождями независимых, с их вечными колебаниями и сомнениями, с их громкими словами и скромными делами. Сохраняя верность своему знамени, она должна была идти своим собственным путем; вместе с тем, она не могла оставаться и в „блистательном уединении“, в стороне от борющихся пролетарских масс. Она должна была стремиться к поднятию стихийно разразившейся стачки до уровня сознательного политического выступления масс, с вполне определенной платформой; она должна была приложить все усилия к мобилизации еще более широких масс и к поднятию их на еще более высокую ступень революционного сознания и революционной воли. Но взрыву вооруженного восстания она во всяком случае ни сколько не способствовала.

И не смотря на это, свора бужуазных разбойников снова набрасывается на нее! Опять оказывается, что из всех партий и организаций на долю коммунистической партии выпадает честь самой смертельной ненависти со стороны врага и самых тяжких жертв. Ее помещения, склады, типографии подвергаются варварскому разгрому, ее литература расхищается и уничтожается. „Красное Знамя“, это драгоценное наследие Розы

КРАСНОЗНАМЯ

УЧ. БИБЛИОТЕКА

Люксембург и Карла Либкнехта, об'является под запретом. Из вождей партии некоторые арестованы, за другими гонятся по пятам полицейские ищейки, и они вынуждены покинуть пределы Германии или скрываться. Палачи буржуазии убивают Лео Иогихеса, который после Розы Люксембург был самым дельным политическим вождем партии, самым талантливым организатором. Хотя Лео Иогихес никогда не выступал публично и громадному большинству „спартаковцев“ лично не был даже известен, бандиты „порядка“ все же разыскивают его, ранним утром вытаскивают его из квартиры и заключают в Моабитскую тюрьму. Он подвергается здесь самым зверским истязаниям, не вырвавшим, однако, из его уст ни одного звука, и в заключение Таумшик, убийца Доренбаха, выстрелом сзади убивает его. Само-собою разумеется, что это произошло „при попытке к бегству“, на лестнице Моабитской тюрьмы, за семью дверями и засовами, так же как Либкнехт был застрелен при „попытке к бегству“ в темном Тиргартене. Попытки к бегству, при классовой диктатуре преклоняющейся перед порядком буржуазии, неизбежно оказываются роковыми для борцов революции. А разным Фогелям, Марло и другим убийцам они всегда благополучно удаются: те спокойно уезжают на заранее приготовленных автомобилях, без всякого труда ускользая из рук военного „правосудия“.

Мюнхенская советская республика.

Май 1919 года. Мюнхен, веселый, разгульный Мюнхен, город упитанных, краснощеких мешан, страстных поклонников пива, город пестрой, жи-

вущей лишь данной минутой богемы, превратился теперь в осажденный и завоеванный город. На улицах слышатся лишь ружейные и пулеметные выстрелы, стрекотанье пулеметов, взрыв ручных гранат, да слова команды, говорящие о массовых расстрелах; на улицах видны лишь белогвардейцы, упивающиеся кровью спартаковцев, да пышущие злобой и ненавистью „граждане“, аплодирующие палачам и требующие все новых убийств и пыток. В рабочих кварталах, в районах, где неистововала борьба, у стен каждого дома, в каждом дворе смерть подстерегает всех мужчин и женщин, которые своей одеждой, поведением, видом возбуждают подозрение в том, что они вместе с „красногвардейцами“ принимали участие в борьбе за советскую республику. Самые низменные свойства человеческой природы вылезают теперь на свет божий, и повсюду справляются шумные оргии шпионства и доноительства. Куда ни взглянешь—массовые казни и бесконечные вереницы арестованных, которых ждут физические и нравственные муки и смерть от руки палача.

Ни в чем до сих пор не проявлявшееся единство новой Германии теперь нашло себе блестящее выражение в тесном, дружеском сотрудничестве добровольческих и охраннических батальонов из всех отдельных „отечеств“; все они общими усилиями стараются задушить Мюнхенскую советскую республику. Старые, глубокие „культурно-национальные“ противоречия между истыми баварцами, швабами, баденцами и „северными кафрами“, между „свиньями-пруссаками“ и саксонцами—исчезают, как дым, в кровавом угаре, охватившем буржуазную молодежь, учащихся, бухгалтеров, инженеров, обывателей, а

вместе с ними и безработные отбросы всех классов; все они сплотились теперь для защиты денежных шкафов капитализма и всего существующего строя, установленного от века самой природой и волей божиею. Мучительное беспокойство за проклятое Кольцо Нибелунгов, за блестящее золото, за капиталистическую собственность, за ее господствующее положение, и смертельная ненависть к революционному пролетариату, угрожающему этим „священнейшим благам“ народов Европы и всего мира—вот тот прочный цемент, который спаявает в наши дни воедино все политические партии, всю буржуазию новой Германии. Ибо и в новом демократическом наряде Германия остается все той же капиталистической страной, в которой господствует буржуазия, с ее белым классовым террором. Мюнхенские события доказали это с полной очевидностью.

Революционное выступление мюнхенского пролетариата с исторической точки зрения представляет собою нечто большее, чем новое, „исправленное и дополненное“ издание январских и мартовских боев, „проредактированное“ всевозможными политическими сотрудниками. Оно является по отношению к этим боям тем же, чем является научный эксперимент по отношению к научной формуле. Я этим не хочу однако сказать, что сама советская республика, представляющая собою душу и смысл борьбы, должна рассматриваться, как поставленный согласно научной формуле эксперимент. Отнюдь нет. Поскольку в Мюнхенской советской республике воплотилась массовая воля и массовое действие, она была стихийным, непосредственным проявлением классовой борьбы пролетариата. Исторически сло-

жившиеся силы искали себе в ней социального выражения и социального воплощения в формах, которые также были вполне обусловлены историческим развитием. Это резко бросается в глаза, когда мысленно следишь за ходом мюнхенских революционных боев, читая прекрасный этюд П. Вернера: „Баварская советская республика.“*) В Мюнхене лозунг революционного пролетариата—советский строй и социализация—был осуществлен на деле руками самих пролетариев, страстно желавших добиться освобождения от капиталистического рабства.

Советская республика в Мюнхене возникла, правда, вначале как „фарс“, как „мнимо-советская республика“. По меткой характеристике Вернера, она, словно нелепый и смешной гомункул, вышла из реторты литературных и политических алхимиков. Провозглашение советской республики было задумано социал-демократами большинства, желавшими предательски обмануть восставших рабочих фальсификацией советской идеи—буржуазной советской республикой; их поддержали при этом независимые, которые, как флюгер, поворачиваются во все стороны, не зная, чего они в сущности хотят, что они тактически могут сделать, и как это следует осуществить стратегически; далее, в провозглашении ее приняли участие честные, прямолинейные гуманитарные тупицы и, наконец, всякие грязные политические авантюристы и дельцы. „Она была плодом затруднений и интриг социалистического правитель-

*) P. Werner „Die Bayerische Räterepublik. Tatsachen und Kritik“. Franke Verlag, Leipzig. Настоятельно рекомендуем читателю ознакомиться с этой брошюрой. (Русское издание: П. Вернер. „Баварская советская республика“. Изд. „Красная Новь“, М. 1924 г.)

ства, анархических донкихотских выходов и беспринципной политики независимых“. Этот подкидыш увядал, как трава с подрезанными корнями. Он представлял собой полное ничтожество, ничего не мог сделать и ничего не делал. Контр-революционная вспышка одним пинком ноги могла бы отбросить его прочь.

Но вот, на фабриках и заводах с несокрушимой силой пробивает себе путь воля к превращению мнимо-советской республики в подлинную, советскую республику. Избранные представители трудящихся масс берут в свои руки судьбу советского строя. Меняются не только люди, которым вверено руководство революцией, изменяется сама сущность, самое содержание мюнхенской революции, и возникает пролетарская советская республика.

Правда, это происходит при такой исторической обстановке, в который уже в самый час своего рождения новая пролетарская республика обрекалась на смерть. Массовая воля, массовая активность были направлены по ошибочному пути. Массы видели перед собой лишь блестящую цель, они не обращали никакого внимания на трудный, усеянный камнями и терниями путь, отделявший их от этой цели.

Такая страна, как Бавария, страна с безусловным преобладанием сельского хозяйства, находящегося в руках богатого крестьянина, и с весьма незначительной промышленностью; страна в которой обостренные классовые противоречия в современном смысле слова не играют решающей роли,—не могла служить почвой для возникновения пролетарского, социалистического советского строя в Германии. А пролетарские массы

в других, капиталистических более развитых частях страны, оставались слепы и глухи к тому примеру, который подавали им их братья в Мюнхене.

Между тем, контр-революция проявила весьма тонкое чутье в оценке мюнхенских событий. С трогательным „национальным“ единодушием вдруг объединились все Эберты, Гофманы, Блосы и Граднауэры для совместного оплевания и оклеветания Мюнхенской советской республики; сплотились и Носке, Гасс, Геррготт и Эпп—для утопления республики в крови.

Революционные дни заканчиваются страшной, потрясающей трагедией. История советского Мюнхена—эта повесть о слишком рано прилетевшем жаворонке, который, поддавшись соблазну яркого солнечного света, в холодный день поднялся с торжествующей песнью высоко к небу, но тут же, дрожащий от холода, умирающий, упал на замерзший луг. Печальная картина, но вместе с тем она дает нам надежду и уверенность в том, что весна непременно наступит.

Опыт пролетарской советской республики в Мюнхене вызывает в памяти слова Карла Маркса о том, что пролетариат, будучи гигантом по своим задачам и силам, так же гигантски велик и в своих ошибках и заблуждениях. Это революционное выступление было колоссальной ошибкой, но—такова уже живая диалектика истории—вместе с тем оно было крупным шагом вперед: пролетарские массы на этот раз смело приступили к сломке старого капиталистического государственного аппарата и к замене его новым строем, отдающим в их руки всю полноту власти. Сравнительно с январскими днями, мы видим значитель-

ное обогащение пролетарской борьбы революционным содержанием, значительный рост революционной смелости масс. Будущее пролетарской революции представляется сильным, многообещающим.

Отношение коммунистов к мюнхенским событиям было по самому существу дела определено заранее. С презрением они настойчиво отказывались признать эту гаерскую мнимо-советскую Республику. А в бурных попытках трудящихся масс создать подлинно пролетарскую советскую республику они не могли не видеть преждевременного выступления. Но когда бой разгорелся, когда рабочие смело и решительно взялись за оружие, коммунисты не могли оставаться пассивными зрителями. Они должны были постараться, чтобы настоящее со всеми его заблуждениями и ошибками послужило плодотворным уроком для будущего, залогом того, что в следующем выступлении массы проявят больше сознательности и единства. Таким образом, они явились как бы доброжелательными критиками и советчиками масс во всех неуверенных и часто ошибочных попытках мюнхенского пролетариата провести в жизнь и отстоять советский строй. Без всяких колебаний они взяли на себя свою долю труда и ответственности, вступив в Советы в самый тяжелый момент, когда Советы особенно нуждались в сознательном, твердом руководстве. И они добросовестно несли бремя этой трудной ответственной работы до тех пор, пока не обнаружилась с полной ясностью обусловленная всем объективным положением незрелость революционной вспышки мюнхенского пролетариата. Ушедшие было после поражения в отставку социал-предатели и буржуазные тупицы снова оказались ка-

лифами на час, и снова воскресла на миг шутовская мнимо-советская республика.

И в Мюнхене мы видим, как вопль „долой спартаковцев!“ является объединяющим паролем для контр-революционеров всех мастей, и из лагеря социал-демократии большинства, и из рядов буржуазии. Вопль этот вдохновляет буржуазных хулителей, изливающих потоки лжи и грязи на советскую республику, под его аккомпанимент обрушиваются ружейные приклады на головы заподозренных в революционности мастеровых-католиков. Сотни невинных приговариваются к смертной казни, даже после восстановления безопасности банковских сейфов.

В мартовские дни в Берлине, во имя буржуазного порядка, были убиты сотни людей. В Мюнхене были расстреляны тысячи. Среди них, вместе с цветом революционного рабочего класса, пали и самые энергичные, сознательные и преданные сторонники коммунизма.

И здесь жестокий рок унес одного из самых стойких, самых ценных вождей—Евгения Левинэ. Он не был предательски убит, подобно Карлу Либкнехту, Розе Люксембург и Лео Йогихесу,— он был „казнен“. Но разница тут лишь чисто внешняя. В действительности Левинэ пал от руки трусливых убийц, и прозрачный юридический покров инсценированного по всем правилам искусства судебного процесса с особенной силой подчеркивает их трусость. Пуля, пронзившая грудь Левинэ во исполнение приговора, которым закончилась эта гнусная судебная комедия, не только уложила наповал борца-коммуниста, но нанесла смертельный удар и буржуазной справедливости.

Дальнейшее развитие революционной борьбы.

Вспомним, что промежуток времени, начинающийся январским восстанием в Берлине и заканчивающийся провозглашением советской республики в Мюнхене, был отмечен непрерывными волнениями, забастовками и революционными столкновениями, в которых обе борющиеся стороны проявляли величайшее ожесточение.

В Бремене, Дюссельдорфе, рейнско-вестфальском каменноугольном бассейне, в Брауншвейге, Галле, Эрфурте, Гамбурге, Штутгарте, Хемнице, Лейпциге, в верхней Силезии и в ряде других мест—было пушено в ход оружие для того, чтобы доказать рабочим всю благодетельность капиталистического строя. Трудно указать промышленный город в Германии, где земля не обагрилась бы в эти дни кровью восставших пролетариев.

Распыленность революционной борьбы, а может быть, и близость ее к нам по времени мешают нам видеть все ее величие, правильно судить о ее размерах и значении. Но если соединить отдельные, разбросанные явления в одно целое, восстановив их внутреннюю связь, и если взглянуть на это целое в исторической перспективе, то невозможно не признать, что за эти несколько месяцев аванград германского пролетариата сделал грандиозный, полный величайшего значения шаг вперед по пути революционной, освободительной борьбы.

Какой ничтожной, почти безобидной по сравнению с этой страстной, настойчивой, ожесточенной, кровавой борьбой представляется революционная борьба немецкой буржуазии против феодального государства, несмотря на всю ро-

мантику тайных обществ, конспиративных заговоров, идущих в атаку об'единенных легионов, вырастающих, как из под земли, баррикад и отливаемых в глубокой тайне пуль.

Уже самое начало революционных выступлений резко подчеркивает это различие. С одной стороны—гигант-пролетариат, вышедший из простора фабричного производства, сплывающего воедино тысячи людей; с другой—мирное, добродетельное мещанство, живущее в тесноте средневекового города с его игрушечно-мелким цеховым ремеслом; с одной стороны—стремление к цели, совпадающей с неотвратимым ходом истории: к установлению нового общественного строя, к созданию нового мира, в котором будут разрушены все классовые перегородки между людьми; с другой—желание придать новую форму государству лишь для того, чтобы установить и обеспечить господство нового, добывающегося власти класса.

В истории Германии мы знаем лишь одно движение, которое можно поставить наряду с революционными боями 1919 г.; это—грандиозное восстание крестьян против своих господ и угнетателей. Участники этого восстания тоже, более или менее сознательно, стремились к новому общественному строю: они хотели установить коммунистическое „царство божие на земле“. Идеальные требования христианства, направленные в сторону внутренней жизни и потустороннего мира, должны были при этом влить струю новой жизни в реальные остатки древнеязыческого общинного хозяйства и, таким образом, способствовать созданию нового общества.

Что пролетарская революция за этот период приблизилась к своей грандиозной цели, это не

подлежит сомнению. По своему содержанию и историческому смыслу революционная борьба все время продолжала развиваться по восходящей кривой. В январские дни в Берлине авангард немецкого пролетариата стремился обеспечить революции свободу движения и действия. Он как бы производил рекогносцировку, обследуя поле предстоящей битвы, и посредством низвержения правительства, под социал-демократическое вывеской служившего интересам капитала, стремился устранить с пути революции то препятствие, которое, по его убеждению, больше всего загромождало ей путь.

Мартовские дни в Берлине имеют еще отчасти такой же смысл, но только отчасти. В связи с их исходной точкой и с революционным движением в других областях страны существенной чертой для них является требование социализации и советского строя. Требование это еще довольно неясно и туманно. Пролетарские массы надеются еще, что это требование будет удовлетворено в законодательном порядке правительством и парламентом того самого государства, подлинная капиталистическая природа которого недвусмысленно заявляет о себе треском пулеметов и гулом тяжелых орудий. Таким образом, в содержании мартовских боев отражаются еще самые туманные представления о сущности Советов, идеи о гармоническом сочетании парламентаризма с советским строем, старые иллюзии о ценности буржуазной демократии и т. д., — словом все те слабости сознания и воли, которые наложили свой характерный отпечаток на выработанную как раз в эти дни тактическую программу Независимой Социал-демократической Партии.

Историческое значение мюнхенской борьбы

состоит в том, что она показывает громадное расстояние, пройденное сознанием пролетарского авангарда со времени январских дней. Смысл этой борьбы, вне всякого сомнения, заключался в разрушении капиталистического государства, в установлении пролетарской диктатуры и нового коммунистического строя. Конечно, смысл этот искажался еще в то время неясностями, иллюзиями, неуверенностью в оценке явлений и нерешительностью действий, но тем не менее именно он представлял собою тот центральный пункт, вокруг которого складывались революционные события. И тем не менее необходимо признать, что в Мюнхене авангард пролетариата боролся, уже освободившись от целого сонма политических и социальных предрассудков. Таким образом, этот этап революционной борьбы не только по своим размерам, настойчивости, обилию жертв, но и по историческому своему смыслу является кульминационной точкой схватки между буржуазией и рабочим классом. Он сохранит поэтому свое значение и для дальнейших революционных выступлений, хотя бы они вначале и возобновлялись на более низком уровне. Подобно зажженному вдаль сигнальному огню, горит перед борющимся пролетариатом Германии образ мюнхенской советской республики.

Результат революционных боев.

Но разве, несмотря на рост сознательности, авангард немецкого рабочего класса не шел все время от поражения к поражению? Ведь он потерял тысячи своих самых неустрашимых борцов, он лишился своих незаменимых вождей; не значит ли это, что вся борьба была напрасна? Где

политические и экономические достижения этой революционной борьбы, продолжавшейся с января до мая? Так спрашивают маловеры и трусы, которые никогда не победят, ибо никогда не решатся на смелый, рискованный шаг. Так спрашивают и те умничающие резонеры, для которых революция, борьба пролетариата за освобождение, есть простая арифметическая задача; они думают, что решение этой задачи получается путем сложения бесконечно малых „положительных“ величин. Конечным доводом их премудрости остается мораль мещанской пошлости, заявляющей, что лучше синица в руки, чем журавль в небо. В переводе на политический язык это означает, что пролетариат должен предпочесть худой мир, соглашение с капитализмом на почве буржуазной демократии и парламентаризма, достижение социальных реформ и коллективных договоров—революционной борьбе за уничтожение капитализма.

Каким жалким кажется это рассуждение по сравнению с той старинной моралью, которую некогда проповедывали лучшие представители борющейся буржуазии: „голодная свобода лучше золотой клетки рабства“.

Пролетариат наших дней не может ожидать для себя при капиталистическом строе даже „золотой клетки рабства“. Мировая война привела к неслыханному в истории уничтожению общественных благ и ценностей, к беспрецедентной разрухе всего общественно-производственного аппарата. Вместе с тем она поставила перед обществом в высшей степени сложные задачи преодоления создавшегося хаоса, устранения самых ужасных зол, борьбы с недостатком материальных и культурных благ. При таком положении вещей, даль-

нейшее существование основанного на извлечении прибыли капиталистического хозяйства и классового господства буржуазии может означать лишь самое безудержное, самое зверское усиление капиталистической эксплуатации пролетариата, которое грозит широким массам нищетой и рабством. Рабочий не в состоянии будет удерживать в своих руках даже пресловутую синицу. Возврат к варварству—или завоевание политической власти и установление социализма—так ставится для него вопрос, и это вопрос не только жизни и смерти всего общества, но и его собственного, личного существования. Поэтому для него остается только одно: борьба!

Да и верно ли вообще, что революционная борьба принесла пролетариату одни только жертвы и не дала ему никаких выгод? Нет, безусловно не верно,—отвечает на этот вопрос история. Освободительная борьба пролетариата движется все время неудержимо вперед, но она не может постоянно развиваться по прямой линии, от победы к победе. Она делает повороты и извилины, у нее бывают свои подъемы и падения. Характерно для нее однако то, что даже поражение возвышает пролетариат, ведет его вперед, приближает к цели. Как это указывалось в „Коммунистическом манифесте“, важнейшим результатом пролетарской классовой борьбы, ее историческим смыслом, является не то или иное „положительное“ достижение, а повышение сплоченности, сознательности и активности неимущих и эксплуатируемых, как целого класса, — усиление их воли к борьбе за освобождение. С этой точки зрения, поражения борющегося пролетарского авангарда, — поражения, неизбежность которых диктуется живым историческим процессом разви-

тия—утрачивают свою парализующую силу. Ведь и они являются подготовительной ступенью для будущих побед. Подлинными поражениями они становятся лишь тогда, когда пролетариат выходит из них, проклиная свою судьбу, утратив веру в себя и в свое дело и ничему не научившись.

Мы уже указывали выше, что революционным боям своего авангарда в 1919 году пролетариат обязан достижением ясности лозунгов, выработкой более целесообразной тактики и ростом боевого настроения. Это выразилось в том „восстании“ против политики профессионально-союзной бюрократии, которое разразилось в самом крупном из германских профессиональных союзов, — союзе металлистов. Сказалось это и в том решительном сдвиге влево, который под давлением возросшей сознательности масс совершается в недрах независимой социал-демократии, несмотря на то, что самые выдающиеся вожди этой партии не сочувствуют этому сдвигу и даже открыто высказываются против него.

Не может быть сомнения в том, что опыт, почерпнутый в революционные месяцы, может весьма благотворно отразиться на будущей революционной борьбе. Для этого необходимо лишь, чтобы революционный авангард пролетариата давал себе ясный отчет в исторической обстановке и правильно оценивал силы своих врагов и друзей.

Он не должен, поддаваясь науськиваниям, вступать отдельными, небольшими отрядами в бой с подавляющими силами противника, не должен допускать распыления своих собственных сил. Его отважные ударные отряды должны научиться выжидать до тех пор, пока не подойдут тяжелые колонны. А тяжелые колонны пролетар-

ской армии должны быть проникнуты сознанием солидарности всех участников революционной борьбы. Они должны помнить, что поражение каждого авангардного отряда, это их собственное поражение. Капиталистический враг борющегося за освобождение пролетариата раньше и лучше его понял необходимость солидарности в борьбе. В каждом частном восстании своих рабов он усматривает опасность для своего дела. Для Носке, так же, как некогда для Путткамера, за каждой сколько-нибудь значительной стачкой скрывается „гибра революции“. Отсюда — постоянная концентрация контр-революционных сил для того, чтобы одним ударом нанести поражение революции. Мюнхенская советская республика была для охранителей капиталистического строя „национальным“ делом, а для пролетариата она, несмотря на все трогательные изъяснения симпатии, все время оставалась „местным“ делом мюнхенских рабочих. Нам необходимо учиться у наших врагов.

Значение революционной традиции.

Со времени революционных боев 1919 года широкий кровавый поток лег между буржуазией и пролетариатом Германии. Через него невозможно перекинуть мост, как бы усердно ни хлопотали об этом социал-демократы большинства, на руках которых еще не высохла кровь убитых ими братьев.

Кровавый поток этот служит для пролетариата неисчерпаемым источником жизненных сил. В самом деле! Революционная борьба обогатила немецких рабочих величайшей идеальной ценностью, недостаток которой больно давал себя чув-

ствовать и в их психологии и во всей их истории. Благодаря опыту гражданской войны, пролетарии Германии научились революционной борьбе, они научились бороться с врагом, располагая всеми усовершенствованными техническими орудиями убийства. Кроме того, они узнали, что самая безукоризненная внешняя дисциплина, выражающаяся в аккуратной уплате членского взноса и в усердном распространении партийных листков—как ни важна она—сама по себе все же не может вывести обездоленных и эксплуатируемых пролетариев из пустыни капиталистического общества и привести их в обетованную землю коммунистического строя. Под однообразную трескотню пулеметов, в их души крепко вошло сознание того, что бывают исторические моменты, когда пролетариат без колебаний и сомнений должен отдать всего себя, отдать всю свою жизнь ради достижения своей цели. Боевые месяцы январь—май 1919 года создали в германском пролетариате революционную традицию, имеющую неоценимое воспитательное значение.

Этот факт знаменует собою завершение того периода освободительной борьбы пролетариата, который начался с окончанием франко-прусской войны 1870—71 годов и протекал под ее влиянием, как это было с гениальной прозорливостью предсказано Карлом Марксом. В Германии, куда переместился центр тяжести великой исторической борьбы между трудом и капиталом, исторический период этот ознаменовался вначале многолетней ожесточенной борьбой буржуазии против организуемого пролетариата. Капитализм, находившийся тогда еще в империалистических пеленках, мечтал об удушении социализма при помощи исключительных законов. Пролетариат

защищался, борясь за свое существование в настоящем и будущем упорно, обдуманно и не жалея жертв. Однако, несмотря на весь героизм его терпения и боевой отваги, борьба эта не принимала характера открытого революционного боя. Она оставалась все время „малой войной“, которая заключалась в хитроумном одурачивании всемогущих властей, в основанной на юридическом буквоедстве борьбе с прокурорами и судьями, в парламентских столкновениях с буржуазными партиями и с правительством.

В период действия закона против социалистов выработалась та убийственная для противника традиция строжайшей „законности“, борьбы всецело и исключительно легальными средствами, которая характеризует классовую борьбу германского пролетариата до начала революции.

Та самоочевидная истина, что революционные методы борьбы при известных исторических условиях становятся излишними, что применения их в такой обстановке следует даже избегать, была превращена в исторически бессмысленный принцип, требующий, чтобы пролетариат всегда и всюду избегал революционных боев. Условное превратилось в безусловное, в „категорический императив“ пролетарской классовой борьбы. Традиция застыла, превратившись в мертвящую форму.

Карл Каутский, жрец и блюститель „чистого марксизма“, так как его „понимало“ правление социал-демократической партии, теоретически канонизировал эту тактику последовательного уклонения от открытого боя, как единственно благотворную „стратегию измора“, и это как раз тогда, когда развившийся в полной мере империализм толкал пролетарские массы на гранди-

озные выступления, которые могли, обострившись, перейти в открытый революционный бой.

Всемирная война ясно показала даже самым близоруким, как насмеялась дерзкая действительность над разлагольствованиями Каутского о „превосходстве“ „стратегии измора“, в которую сейчас верят еще лишь те, кто вообще не желает революционной борьбы.

Кулак насильника Носке окончательно разбил вдребезги старую идиллическую традицию. Ныне в германском пролетариате господствует традиция революционных боев, ставшая исторической силой. Истекая кровью и обливаясь слезами, но с высоко поднятой головой, гордо, смело, с лицом, обращенным к восходящему солнцу, традиция эта встала посреди германских рабочих.

Историческое значение революционной традиции пролетариата заключается в том, что она представляет собою его собственное создание, является плодом его собственного творчества. Кроме того, борясь и умирая за революцию, пролетарские массы выходят за пределы тех рамок, которыми буржуазный строй замыкает их жизнь и деятельность, и тем самым достигают полноты человеческой свободы, составляющей цель освободительной борьбы рабочего класса. Революционная традиция есть высшее проявление новой внутренней жизни, новой духовной деятельности пролетарских масс. Этим и объясняется ее увлекающая, воспитательная, творческая сила.

Готовность отдельных вождей пролетариата, подчиняясь велениям долга и чести, принять мученическую смерть в бою,—явление в высшей степени ценное. Оно способствует образованию индивидуально-революционной традиции, воспитывает революционеров в духе революционной традиции.

Но эта традиция облекается в плоть и кровь лишь тогда, когда революционная борьба и смерть за революцию становятся массовым явлением, выражением великой внутренней идейной общности и свободной воли масс.

В жилах молодой еще революционной традиции немецких рабочих течет уже кровь пятнадцати тысяч павших героев, и биение сердец этих пятнадцати тысяч сливается в один мощный гул, будящий неподвижных и инертных, равнодушных и апатичных, колеблющихся и сомневающихся и настойчиво зовущий их все вперед и вперед.

Как друзья, так и враги революции усматривают решающий фактор победы русской революции в том, что во главе ее стали талантливые, крупные вожди. И все они ломают себе голову над вопросом о том, какие „национальные особенности“ сделали то, что в России могла появиться гигантская фигура Ленина, крупные фигуры Троцкого, Свердлова, Зиновьева, короче говоря—вся плеяда большевистских вождей, и как раз в такое время, когда во всех остальных странах бросается в глаза недостаток умных и даровитых политических деятелей.

Глубокомысленные историки, задающие такие вопросы, не понимают самой сущности революции и не знакомы с историей революции в России. В России революция восторжествовала потому, что традиция продолжительной, унесшей тысячи жертв революционной борьбы породила таких деятелей, как Ленин, Троцкий, Зиновьев, Свердлов. Она выдвинула не только эти отдельные блестящие, выдающиеся личности, но сотни и тысячи других Лениных, Троцких и т. д., сотни и тысячи мужчин и женщин, день за днем самоотверженно отдающих все свои силы для испол-

нения порученной им задачи и готовых до последней капли крови бороться за дело революции—просто и без всяких колебаний отдать жизнь за великое дело.

Павшие борцы революции.

В годовщину со дня смерти Розы Люксембург и Карла Либкнехта имена этих павших великих вождей, без сомнения, будут на устах у всех искренних последователей международного социализма.

Борющийся пролетариат всего мира преклоняет свои знамена перед их могилами. С чувством благоговейной благодарности он чтит их, чтит и тысячи других безымянных и неизвестных героев, погибших в 1917 году в борьбе с германской контрреволюцией. Кровавая участь Карла Либкнехта, Розы Люксембург, Лео Иогихеса и Евгения Левинэ является лишь отражением и символом участи масс. Когда вдаль устремленный взор блуждает по безграничному простору моря—глаз останавливается на светящихся вдали гребнях волн, говорящих о вечном движении вод. Но блестящие гребни волн являются лишь верхушкой движущихся водных масс, и блеск их проникает тем дальше, чем шире и мощнее вздымающийся вал.

Если Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Франц Меринг, Лео Иогихес и Евгений Левинэ и в самый момент их смерти оказываются на гребне революционной волны, то это, конечно, не слепая игра случая. Всю жизнь свою они были воплощением бури, которая приводила в движение воды, вздымала валы и гнала их вперед. Их смерть была достойным завершением их жизни, отмеченной полным соответствием между убежде-

ниями и поступками, всецело проникнутой революционной борьбой против темных сил, угнетающих, закабаляющих массы, и под тем предлогом, что они якобы слишком бедны и незрелы, прогоняющих их с пира культурной жизни.

„Смерть Спартаку!“ „Спартак—злейший враг всего общества!“—таков был клич, с которым убивались из-за угла выдающиеся вожди революционного пролетариата и предавались смерти тысячи борющихся пролетариев. Клич этот был наивен и глуп, поскольку он выражал то мнение, будто „Спартак“ „создал“ январские, мартовские и майские события. Но, вообще говоря, он не лишен был некоторого внутреннего смысла, ибо „Спартак“ возбуждал и воспитывал в пролетарских массах тот бунтарский дух возмущения, который сказался в стихийном взрыве революции 1919 года.

Бессмертной заслугой наших погибших вождей навсегда останется их принадлежность к „Спартаку“, словом и делом призывавшему рабов капитала к восстанию в то время, как вожди социал-демократического большинства, исполняя роль надсмотрщиков и тюремщиков, гнали массы пролетариев на кровавую мировую бойню; они продолжали воодушевлять массы и во время революции, когда социал-демократы большинства старались надеть на шею пролетариата старое ярмо, а вожди „независимых“ робко и нерешительно стояли в стороне.

Что же такое „Спартак“? „Спартак“—это не только старая и вечно юная мечта человечества об освобождении от всех социальных зол, мечта, которая в самых разнообразных идеологических одеяниях проходит, ощупью отыскивая себе путь, через всю историю и находит себе выражение в

пламенных мечтах поэтов, пророков и основателей религий. „Спартак“—это сознание, воля, деятельное стремление к осуществлению этой мечты, притом в высшей исторически-классической форме борьбы за свободу, за всеобщее полноправие всех участников, борьбы за международный социализм. Под знаменем международного социализма „Спартак“ собирает рассеянные и обманутые пролетарские массы и ведет их на борьбу с поработителями, в то время как империалистический капитализм с полным презрением отрицает за этими массами всякое человеческое достоинство и попирает их ногами, принуждая их к братоубийству и к поруганию своего высокого идеала, к полному отречению от него. Под знаменем международного социализма собирает „Спартак“ рассеянные и обманутые пролетарские массы и тогда, когда революция начинает свое шествие по Германии и когда ее стараются превратить в продажную наложницу буржуазного меньшинства. „Спартак“ сплывает массы рабов в одну боевую дружину, подготавливая последний решительный натиск. Под знаменем „Спартака“ с непоколебимой верностью и преданностью общему делу работали и павшие вожди.

Вот Карл Либкнехт, талантливый, неутомимый агитатор, огнем своего глубокого внутреннего убеждения, пламенем своего увлекательного красноречия будивший и толкавший массы, пробуждая в них волю к свободе. Смелый солдат революции, он идет впереди масс, ни на минуту не спуская вдохновенного взора с великой цели. Он принадлежит к первым германским социал-демократам, заклеившим милитаризм и империализм, как опаснейших смертельных врагов рабочего класса, и поставившим себе целью, не смущаясь

ничем, побороть этих врагов. И Карл Либкнехт набирает для этой борьбы новые полки непримиримых борцов, призывая под знамена социализма—и в этом его великая, незабвенная заслуга—пролетарскую молодежь. Он предугадывает, предчувствует замышляемое в социал-демократическом лагере предательство и пытается мужественным ударом отразить его. Смеясь над опасностью, не считаясь ни с какими препятствиями, он без устали ведет ожесточенную, смелую борьбу, бурно, с истинно бунтарской настойчивостью и дерзостью бросаясь в самый огонь боевой схватки.

Карл Либкнехт, в течение долгого времени не встречая ни откуды поддержки, первый из целой сотни социал-демократических депутатов рейхстага поднял чистое знамя международного социализма над дымящимися от крови полями битв, и он стал учителем, руководителем, передовым борцом, великим, ободряющим примером для пролетариев всего мира. Преследования, годы тюремного заключения оказались не в состоянии сломить силу его убежденности, надломить его страстный боевой дух. Во время революции он борется с почти сверхчеловеческой выдержкой, продолжая ежедневно схватываться грудью с врагом, вплоть до того часа, пока он не пал, пронзенный пулями подло убивших его офицеров.

Рядом с Карлом Либкнехтом—другой „спартаковец“, Франц Меринг, прирожденный рыцарь духа, перо которого, как меч разящий. Человек на редкость трудолюбивый, блестящий историк и писатель—он отказывается от всех выгод и почестей, которые ожидали его в лагере буржуазии, и с величайшей преданностью и самоотвержением посвящает всего себя пролетарскому делу.

В самые тяжелые моменты он выдерживает испытание огнем и становится истинно-революционным борцом.

Когда германское правительство для обезоружения и обуздания трудящихся пускает в ход закон против социалистов, Франц Меринг смело и решительно бросается в бой против сплоченной толпы насильников—капиталистов и юнкеров.

4-го августа 1914 года, когда германская социал-демократия отрекается от себя самой и под варварские звуки патриотической музыки переходит на сторону империалистического врага, обрекая на гибель ради всемирного господства отечественной буржуазии миллионы рабочих, почти 70-летний уже Франц Меринг с юношеской пылкостью примыкает к крошечной группе стойких людей, объявляющих войну империалистам и социал-патриотам для того, чтобы освободить от их влияния одуроченные ими пролетарские массы.

Помещая свои статьи в „Красном Знамени“, он отдает революции последние искры своей пламенной силы. Дух „Спартака“ говорит громким, убедительным языком в богатом литературном наследстве, оставленном им пролетариату.

С глубоким чувством благодарности мы обращаемся мыслью к Лео Иогихесу и Евгению Левинэ, этим двум „чужестранцам“, которые, подобно „русско-польской еврейке“ Розе Люксембург, всей своей деятельностью и своим участием в борьбе приобрели неотъемлемое право гражданства в сердце каждого любящего свободу германского пролетария. Их трагическая смерть наложила последнюю печать, навсегда закрепившую за ними это право.

Эти „чужестранцы“ были международными социалистами в самом истинном смысле этого слова.

Для буржуазного патриота отечество, как известно, там, где ему хорошо, или, выражаясь более капиталистическим языком, там, где он может успешнее всего эксплуатировать других и наслаждаться жизнью. Для „спартаковцев“ отечество было там, где социализм нуждался в их силах, где он требовал их жизни.

Имена Лео Иогихеса и Евгения Левинэ вписаны теперь неизгладимыми чертами в историю революции двух стран. При господстве царского террора Лео Иогихес—Тышко—переносит дух Спартака на польскую почву и способствует развитию творческих сил в пролетариате русской Польши. Вместе с Розой Люксембург он был основателем и вождем польской социал-демократической партии, нерушимо хранившей заветы интернационализма.

В эпоху революции 1905 года он твердым шагом, с ясностью во взоре идет во главе восставших рабов.

После бегства из царской тюрьмы, он отдается революционной работе в Германии. С того момента, как разразилась мировая война, он, как идейный товарищ и соратник, борется бок-о-бок со своим другом, Розой Люксембург, призывая пролетариев к великому историческому суду над разрушительным, гибельным для всего человечества капиталистическим строем. Он является организаторской рукой своего гениального друга, будучи вместе с тем и ее ни на минуту не умолкающей критической совестью, а подчас—оказываясь даже опережающим ее пионером движения.

Ему принадлежит громаднейшая заслуга в том, что агитационная и пропагандистская литература, ярко освещающая сущность империалистической мировой войны, клеймящая банкротство социал-

демократии и подготовляющая класс эксплуатируемых к революции, несмотря на осадное положение, печатается и распространяется под самым носом у аргусов цензуры и полицейских ищек. Можно даже сказать, что литература эта, в значительной своей части, никогда не увидела бы света без неутомимой настойчивости и инициативы Лео Иогихеса.

Его энергия имела решающее значение и для организации союза „Спартак“, который должен был объединить ударные силы восставших на борьбу рабов. Он успешно справляется с труднейшими задачами в течение революционных недель, и в его лице контр-революция убивает самого верного исполнителя политических заветов Розы Люксембург.

Евгений Левинэ в 1905 году также участвует в революционной борьбе в России и платится за это тюремным заключением. В Германии он отказывается от преимуществ, даваемых ему рождением в богатой семье и обширной научной подготовкой, он бросает свой университетский диплом и становится за станок как простой рабочий. Вместе с женой и детьми он, человек особенно впечатлительной и чуткой души, испытывает всю бесконечную горечь пролетарской нужды. Евгений Левинэ мужественно переносит все лишения. Ибо, по его воззрениям, тот, кто хочет вывести пролетариат из мрака его материального и культурного убожества к свету, на озаренные ярким солнцем высоты свободы, должен сам совершенно раствориться в пролетариате. А Евгений Левинэ ставит себе задачей идти в передовых рядах пролетариата, борясь за его дело и указывая ему путь.

Предательство социал-демократии и профес-

сионально-союзной бюрократии толкает его в лагерь Спартака. Он поспекает всюду, где дело свободы нуждается в ясном уме и сильной воле, где чувствуется необходимость в добросовестном работнике и отважном борце. Евгений Левинэ борется вместе с участниками январского восстания в Берлине, он организует рейнско-вестфальских горнорабочих, выступающих с требованием социализации и советского строя; в Мюнхене он идет впереди рабочих с знаменем коммунизма в руках и умирает с возгласом гордой уверенности в победе: „Да здравствует мировая революция!“ на устах.

Павшие в 1919 году спартаковцы—это избранные, высоко подымающиеся над обычным уровнем личности, группировавшиеся вокруг той, кто представляла собою пылающее священным огнем сердце Спартака, его ясное, проницательное око, его стальную волю—вокруг Розы Люксембург.

Да, Роза Люксембург—это образ самого Спартака, бессмертного вождя-руководителя великого восстания рабов. Вся жизнь ее была сплошной работой и борьбой, вся жизнь ее была обращенным к рабам нашего времени призывом: „Проснитесь! Вспомните, что и вы люди! Поднимитесь из мрачных трущоб к яркому солнечному свету. Грядет ваш день!“ Вся ее жизнь—это труд и забота, героизм и самоотвержение, стремление к тому, чтобы эти рабы сами, своими руками написали свою хартию свободы и из смиренных носителей возложенного на них креста превратились в сознательных, мужественных, самоотверженных борцов. Деятельность Розы Люксембург—это непрерывный ряд героических усилий, направленных к одной и той же цели. Ее личные

свойства горят и сверкают, дают тепло и прохладу, рождают жизнь и приносят смерть, одухотворенные одной волей, непоколебимо направленной к одной и той же цели: к тому, чтобы пробудить в рабочих волю к деятельности и дать им способность к ней, для того, чтобы они могли привести в исполнение приговор истории над капитализмом.

С того дня, как Роза Люксембург начала жить сознательной жизнью, жизнь ее целиком принадлежала угнетенным и униженным. Это не была сантиментальная благотворительность, которая больше всего любит себя — хотя никто, может быть, не обладал более чутким сердцем, более щедрой рукой, большей готовностью помочь ближнему, чем эта великодушная женщина, — нет, ее воодушевляло стремление облагородить униженных и угнетенных, пробудив в них сознание и волю к освобождению от цепей и к завоеванию всего мира.

Едва выйдя из детского возраста, Роза Люксембург избирает своим отечеством и ареной своей деятельности Германию. Ибо, как подсказывало ей ее научное сознание, при тогдашней зрелости общества ближайшая решающая схватка в борьбе за пролетарскую свободу должна была произойти в Германии.

Роза Люксембург хочет повести рабов несокрушимыми, во всеоружии ясного классового сознания к победе. И вот, начинается ее многолетняя борьба с „неразумностью масс“, ожесточенная, неутомимая борьба с буржуазной фальсификацией международного революционного социализма, заражающей все растущие круги социал-демократии. Она неустанно борется устным и печатным словом, в области теории и на прак-

тике, выступая на партийных съездах и народных собраниях, всюду, где рабам представляется возможность подсчитывать свои силы и приучаться к действию.

Деятельность Розы Люксембург достигает кульминационной точки в первый период мировой войны, когда современные рабы, преданные социал-демократией и обманутые басней о защите отечества, оставляют поле великой битвы за свое освобождение и с песнями буржуазного патриотизма на устах идут умирать на полях сражения империалистической войны. Деятельность ее остается на этой кульминационной точке и тогда, когда военное крушение германского империализма ставит перед пролетариями задачу превращения полуреволюции государственного переворота в полную революцию общественного обновления.

В эти тяжелые исторические моменты Роза Люксембург проявляет все свои свойства превосходного политического и революционного руководителя и вождя пролетариата. Из кровавого хаоса мировой войны она извлекает для рабочего класса победную уверенность в том, что близок час крушения капиталистического мира, скованного цепями рабства; она указывает на пример позорного банкротства социал-демократии и социал-демократического Второго Интернационала, она убеждает пролетариат в необходимости соблюдения высшего закона пролетарской классовой борьбы, закона международной солидарности всех эксплуатируемых, в необходимости перейти в наступление против капитализма, сплотившись в один общий Интернационал действия. За ясным сознанием у Розы Люксембург теперь, как и всегда, следует энергичное,

целесообразное, проникнутое пламенной страстностью действие.

Спартак начинает собирать и сплачивать отряды рабов.

Резко и определенно выступает теперь руководящая идея с самого начала и до самого конца господствовавшая над всей жизнью и деятельностью Розы Люксембург: идея о том, чтобы, не ограничиваясь организацией верхушек рабочего класса, сплотить в одну мощную боевую силу всех эксплуатируемых и поработанных, всех обездоленных и угнетенных буржуазным строем; чтобы собрать, говоря словами евангельской притчи, не только званых, не только членов богатых организаций, но и всех калек, дряхлых и слабых социальной жизни, влачащих жизнь под заборами и изгородями. Революционная борьба всех их сделает сильными и здоровыми. Не одни только узкие рамки партии должны объединять всех, имеющих облик человеческий и могущих бороться, вынужденных бороться, но нечто более прочное, более длительное и неразрывное: общая идея, общая воля, направленная к одной и той же великой цели: к такому изменению мира, чтобы он стал достоянием всех, общей родиной всего свободного, гордого человечества, нивой творческой работы, источником чистого наслаждения.

Стремление к такой цели отнюдь не означает презрения к организации, отрицания ее необходимости и важности ее задач. Напротив того. По мнению Розы Люксембург, крепко сплоченная партия должна быть организационным позвоночником и руководящим мозгом гигантского боевого содружества деятельных масс. Но в этой партии форма не должна умерщвлять духа; не партия, а

идея должна быть главной движущей силой. Дух, идея должны сплачивать и вне партии широкие массы работников физического и умственного труда в боевые фаланги, которым не мог бы противостоять и капиталистический строй.

Роза Люксембург пала тогда, когда рабы еще только начали стекаться под красное знамя Спартака. Но жизнь свою она отдала делу пролетарской борьбы еще задолго до момента своей ужасной смерти. Она отдавала ее ежедневно, ежечасно до последней капли своих сил. Мы знаем, что она в любой момент была готова скромно и радостно положить душу свою за дело революционного социализма. Мы можем быть убеждены в том, что она умерла мужественно, как умирали героини древности, умерла с непоколебимой верой христианской мученицы, последней мыслью своей приветствуя грядущую победу социализма, последним порывом чувства благословляя выпавшее на ее долю счастье, — служить делу социализма и в буре революции предвидеть его близкое торжество.

Политическая освободительная борьба германской буржуазии не знает деятелей, которые могли бы быть поставлены на ряду с нашими великими мертвецами 1919 года. Мы благоговейно склоняемся перед Робертом Блюмом, Трючлером и другими, отдавшими свою жизнь или пожертвовавшими своей свободой в борьбе против феодализма. То были мужественные люди, проникнутые высокими идеалами, воодушевленные чистыми, возвышенными стремлениями.

И все же германская буржуазия не выдвинула из своих рядов в 1848 и 1849 годах ни целых групп революционных борцов, ни отдельных политических героев крупного размаха.

Ее выдающиеся бессмертные умы боролись в области литературы и философии, а не на жестокой почве политической действительности. Трагедия их судьбы заключалась в том, что их искусство и философия покрывали позолотой тот рабский строй, который они ненавидели и — по крайней мере в мыслях своих — разрушали; в то же время они покорялись этому строю и по мере сил служили ему, занимая, в большинстве случаев, какую-либо незначительную должность.

Талантливый и изящный поэт, великий борец за свободу духа — Лессинг, после многих лет полуголодного существования, умер библиотекарем герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского. Рихард Вагнер, ясно сознававший связь между искусством и революцией, желавший дать человечеству новое великое народное искусство и в 1848 году борющийся в рядах революционеров, был спасен от когтей нужды лишь благодаря милости полусумасшедшего монарха.

Классическое царство свободы пролетариата, социальная революция создается на жестокой, неприглядной почве политики. Оно означает мировой строй, представляющий собою вместе с тем и мировую свободу. Поэтому в борьбе за это царство свободы самую решительную роль играет мирозерцание, которое только и может придать борьбе духовное, нравственное величие, силу и способность порождать великих людей.

Нам придется вернуться далеко в глубь германской истории, к эпохе реформации, к крестьянскому восстанию, если мы захотим найти нечто равноценное социально-революционной борьбе наших дней, и людей подобных тем, которые руководят этой борьбой, вынося на себе все ее бремя.

Правда, далеко не все эти люди одинакового морального роста, и для „реформаторов“ буржуазного строя из лагеря социал-демократического большинства оказались бы слишком велики исторические костюмы даже с плеча тех „тихоступающих“ и „мирное житие ведущих“ оппортунистов, против которых с огневой страстностью метали громы и молнии представители „бури и натиска“.

Правда, и Мартин Лютер, после смелой попытки стать революционером общественного строя, удовлетворился несравненно более скромной ролью церковного реформатора. Но если поставить рядом с этим самобытным, исполненным нетронутой стихийной силы крестьянским сыном, ставшим поэтом и вождем, такое духовное светило нашего правительства социализма, как д-р Давид, то этот доктор покажется нам маленьким, запыленным магистром-схоластиком.

Вся правительственно-социалистическая премудрость, вместе взятая, напоминает разве лишь одной чертой „реальную политику“ „дорогого божьего человека“, из вождя громивших замки крестьян превратившегося в друга князей, „секуляризовавших“ или попросту прикарманивших себе церковные имущества. Черта эта — то мещанское благоразумие доброго отца семейства, с которым Филипп Шейдеман предполагает удалиться в такую политическую пристань Кассельского обербургомистерства, как и Лютер в свое время закончил дни свои в „умеренном благосостоянии“, владея двумя монастырями, светским имением и фольварком.

Как в те времена, так и теперь, личностей самого крупного размаха мы встречаем там, где ведется борьба за то, чтобы выбить стоящую у

власти собственность из занятой ею позиции и восстановить человека в его правах; там, где серьезно, благоговейно, с отважным презрением к смерти ведется борьба за коммунизм, за установление на земле царства божия, царства всеобщего равенства, свободы и братства, в истинном смысле этих слов; где люди борются за превращение возвышенной, неземной морали христианства в политику здешней, земной действительности, в действующее здесь, у нас, на земле право.

На сотрясающейся, как поверхность вулкана, почве этой социальной борьбы встает гигантский образ Фомы Мюнцера, этого Спартака своего времени. Побуждаемый глубоким, искренним чувством, он жертвует всем, что обычно составляет смысл и содержание человеческой жизни для того, чтобы, взамен всего этого, приобрести лишь одну драгоценную жемчужину: полное растворение своей личности в служении одной настойчиво преследуемой цели.

Бесстрашный рыцарь духа и меча, он хочет привести восставших крестьян и пролетариев цеховых городов в коммунистическое царство божие, вместе с ними он терпит лишения, с ними страдает, с ними борется и с ними умирает, великий в самой смерти, гигант по своему мировоззрению, своей вере, образ воистину бессмертный.

Павших вождей спартаковцев мы спокойно можем поставить рядом с Фомой Мюнцером, и они от этого сопоставления несколько не умалятся, несколько не покажутся незначительными. Роза Люксембург — личность вполне равноценная ему, личность такого же исполинского размаха, как он. Это должны будут признать все, когда над личностью, жизнью и деятельностью

Розы Люксембург произнесет свой приговор не политический „суд“, а беспристрастный суд истории.

Пусть плачут о революционных боях 1919 года и оплакивают их кровавые жертвы те, кто чувствует в них угрозу и удар своему могуществу, все политические плакальщицы обоего пола, ненавидящие борьбу, как голос своей нечистой совести, за то, что она напоминает им об их собственной бездеятельности, трусости и себялюбии. Нас никто не решится упрекнуть в равнодушном отношении к принесенным жертвам; мы каждый день с жгучей болью чувствуем всю их громадность. Эти бои нанесли нам раны, которых ничто не залечит до нашего последнего вздоха, они причинили нам потери, которых никто никогда не возместит. И тем не менее, из груди нашей вырывается громкий возглас: а все-таки! Все-таки и несмотря ни на что, „Спартак“ останется верен борьбе и жертве. Революционные бои „красного года“ не были напрасны, самые тяжелые жертвы не были тщетны.

Пятнадцать тысяч павших гордых борцов революции и бесчисленное множество заключенных в тюрьмах повествуют о том, что в недрах германского пролетариата началось сплочение масс, сознательно и с мужественной решительностью идущих на революционный штурм буржуазного строя. Они возвещают о том, что борьба развивается. Сплачиваются новые, еще более многочисленные отряды борцов, руководимые еще более ясными лозунгами, повинующиеся на этот раз более целесообразной тактике. Закаленным в огне, проникнутым уверенностью в победе выходит революционный авангард германского пролетариата из борьбы истекшего года.

Наше надгробное рыдание по вырванным из нашей среды борцам—это боевая клятва; в знак нашей скорби по ним—мы будем готовиться к борьбе, не теряя мужества и не предаваясь грустной покорности судьбе.

Историческая легенда рассказывает, что в битве народов на каталаунских полях противники бились с таким ожесточением, что души бойцов после их смерти продолжали сражаться в воздухе. Наши незабвенные, павшие соратники продолжают бой не в воздухе, а в нашей среде, вместе с нами. Они не могут умереть; никогда не умрет то, что они нам дали всем своим существом, всей своей деятельностью. Все это вошло в плоть и кровь бесчисленного множества пролетариев и в них претворилось в сознание, волю, действие. Тысячи Либкнехтов, Люксембург, Иогихесов, Мерингов и Левинэ народились теперь в среде пролетариата Германии и всего мира; тысячи новых борцов, равных убитым вождям по силе и чистоте убеждения, по стойкости характера и верности долгу, по смелости и самопожертвованию, находятся теперь в рабочих рядах. Поэтому не станем оплакивать их, а будем бороться! „Вновь звучат боевые сигналы, вновь начинается бой“.

Капиталистическое хозяйство, буржуазный строй Германии давно уже созрели для гибели. Пред нами—яркие признаки разложения германского капитализма. Недостаток сырья и продовольствия, сокращение производства, упадок производительности, обесценение денег, вывоз ценностей за границу, безработица, мародерские цены на предметы первой необходимости—эти явления, означающие злейшую нужду для многих миллионов, вместе с тем означают смертный приговор всему хозяйству буржуазного строя.

О том, что и политика буржуазии осуждена на смерть, свидетельствуют осадное положение, самооборона и добровольческая охрана, возрождение прежнего милитаризма, поклонение Гинденбургу и офицерам-заговорщикам из монархистских клик, парламентская болтовня о социализации, комедия разыскания виновников мировой войны, мошенничества с займами сберегательных касс, массовое производство бумажных денег, выдача трудящихся головой империализму Антанты в качестве козлов отпущения и объектов эксплуатации, политика бронированного кулака по отношению к Советской России и т. д., и т. д.

Падение буржуазной морали вопиет к небу, проявляясь в махинациях дельцов, маклеров и биржевых спекулянтов, в надувательстве властей с целью уклонения от уплаты налогов по военным прибылям, в скандале Скляреч-Парвуса, в процессе Марло, в оргиях, которые сытые богачи справляют за счет голодающей бедноты.

Буржуазная Германия неудержимо приближается к тому состоянию, когда общество, по словам Карла Маркса, погибает оттого, что оказывается не в состоянии обеспечить своим рабам даже голодного существования. В господствующих классах Германии распространяется теперь настроение владык старого режима во Франции времен упадка: после нас хоть потоп!

Признаки упадка капиталистического строя наблюдаются и в странах победительницы-Антанты. Все яснее становится их бессилие разрешить, как они обещали народам, национальные затруднения посредством провозглашенного ими права народов на самоопределение; право это раздавлено теперь империалистским каблуком Антанты; не поможет им при этом и прославлен-

ное детище Вильсоновской мудрости— „Лига Наций“, являющаяся оборонительным и наступательным союзом мирового капитализма для эксплуатации трудящихся во всемирном масштабе и для защиты себя от социализма.

Все очевиднее становится, что капитализм и в странах Антанты не в состоянии устранить социальные противоречия, справиться с ними. Несмотря на победу и на ожидавшиеся громадные „восстановления“ всего разрушенного варварской бойней, оказалось, что мировая война потрясла и в странах-победительницах хозяйство до самого основания, породила непреодолимые финансовые затруднения, обогатила немногих богачей и разорила громадное большинство населения.

Из кратера классовых противоречий вот-вот должен вырваться огненный поток революции, хотя упоенные победой имущие пляшут еще на тонком слое покрытой цветами земли, не обращая внимания на требующих свободы рабов „Спартака“. Сумерки богов буржуазного строя наступают во всем мире с неотвратимой неизбежностью.

Нам в Германии не приходится однако с мучительным напряжением ожидать до тех пор, пока, как это бывало в революциях прошлого века, „крик галльского петуха“ возвестит о наступлении зари свободы. Обратим наш взор на восток. Там заря свободы уже занялась. Там вот уже два года социалистическая советская Россия с беспримерным героизмом и самопожертвованием борется с затруднениями и опасностями, каких до сих пор не знала история, борется против контр-революции внутри и против всех сил мирового капитализма извне.

Да будет Социалистическая Советская Россия нам символом, надеждой, залогом наступления новых времен, рождающихся из хаоса гибели буржуазного мира. Борющийся революционный германский пролетариат должен построить мост, по которому очищающий огонь революции, пожирающий капитализм, перекинется с востока на запад. Будем готовы, подготовим все, что нужно. Напряжем каждый мускул в работе и борьбе для того, чтобы дело стало делом духом и дух—делом! Спартак, подними выше свое знамя! Вперед, рабы! Все через революцию и все для революции!

С О Д Е Р Ж А Н И Е.

	Стр.
Введение	5
Январское восстание в Берлине	7
Мартовские дни в Берлине	12
Мюнхенская советская республика	16
Дальнейшее развитие революционной борьбы	24
Результат революционных боев	27
Значение революционной традиции	31
Павшие борцы революции	36

